

ТВЕРСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

15 ДЕКАБРЯ 1902 ГОДА.

№ 24.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Содержаніе части неофициальной: Выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Василія, Епископа Старицкаго, Викарія Тверской епархіи, и его погребеніе.—Закладка храма въ с. Алферьевѣ, Старицкаго уѣзда.—Объявленія.

Выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Василія, Епископа Старицкаго, Викарія Тверской епархіи, и его погребеніе.

Преосвященный Василій, какъ извѣстно уже читателямъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, скончался 27 ноября въ 3 часа 20 минутъ пополуночи. За три дня до своей кончины онъ, по просьбѣ города, совершалъ панихиду предъ выносомъ тѣла городского головы А. Θ. Карнова, простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. При болѣзненномъ состояніи организма Преосвященнаго Василія, обнаруживавшемся въ сильной, никогда не покидавшей его одышкѣ, простуда эта имѣла роковой для него исходъ. Несмотря на принятія консилиумомъ врачей мѣры и на послѣдовавшее улучшеніе въ состояніи его здоровья, Преосвященный чувствовалъ, что онъ

не встанетъ уже съ одра болѣзни, и 26 числа принявъ св. Тайны. Поздно вечеромъ того же дня въ состояніи его наступило замѣтное ухудшеніе, которое къ 12 часамъ ночи до такой степени усилилось, что онъ потерялъ сознание. О безнадежномъ состояніи Владыки было сообщено Высокопреосвященному Дмитрію, и онъ, прибывъ немедленно въ Отрочъ монастырь, засталъ его еще въ живыхъ и чтеніемъ канона на исходъ души напутствовалъ переходъ его въ жизнь вѣчную. По кончинѣ Преосвященнаго Василія, честное тѣло его въ присутствіи Архипастыря отерто было чистымъ елеемъ и облачено, по церковному чиноположенію, въ святительскія одежды. Первая панихида по почившемъ была совершена, непосредственно по облаченіи, Высокопреосвященнымъ Дмитріемъ, въ сослуженіи ключаря кафедральнаго собора, протоіерея Н. Модестова, и іеромонаховъ Отроча монастыря—Тихона, Вассіана, Германа, Никона и Анатолія. По окончаніи панихиды самъ Архипастырь положилъ начало чтенію св. Евангелія, производившемуся затѣмъ непрерывно при гробѣ почившаго Владыки сначала іеромонахами монастыря, а потомъ по расписанію всѣми священниками городскихъ церквей.

Въ тотъ же день съ ранняго утра по всему городу быстро разнеслась печальная вѣсть о кончинѣ Преосвященнаго Василія, возбудившая глубокое сожалѣніе въ населеніи. Эта вѣсть въ скоромъ времени получила свое подтвержденіе въ слѣдующемъ объявленіи отъ г. полиціймейстера, расклеенномъ по угламъ городскихъ улицъ: „По случаю кончины Преосвященнаго Василія, Епископа Старицкаго, послѣдовавшей 27 сего ноября въ 3 часа 20 мин. утра, въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ имѣютъ быть совершены 28 числа въ 5 час. пополудни заупокойная всенощная и въ 7 часовъ вечера архіерейскимъ служеніемъ панихида. Въ пятницу 29 числа въ 11 часовъ дня будетъ совершена панихида, а въ 3 часа по-

полудни состоится выносъ тѣла въ каедральный соборъ. Огѣваніе усопшаго Епископа назначено на воскресенье 1 декабря, а погребеніе въ тотъ же день въ соборѣ Отроча монастыря. — Во все время пребыванія тѣла почившаго Владыки въ Отрочѣ монастырѣ, ко гробу его стекалось множество гражданъ представителей вѣдомствъ и учреждений, чтобы поклониться останкамъ его и помолиться о доброй упокоеніи души его. На другой день, 28 ноября въ 11 час. утра тѣло почившаго перенесено было изъ занимаемыхъ имъ покоевъ въ теплую монастырскую церковь во имя святителя Филиппа, митрополита Московскаго, мѣсто заточенія котораго, находящееся въ подвальномъ этажѣ монастырскаго корпуса, служило предметомъ особенныхъ заботъ почившаго Владыки и обращено имъ въ благоустроенную часовню, гдѣ онъ еженедѣльно по четвергамъ совершалъ молебень св. мученику. Съ этого времени у гроба почившаго Архипастыря цѣлый день толпился народъ, при чемъ особенно большое стеченіе богомольцевъ происходило въ 11 часовъ утра и въ 7 часовъ вечера, когда совершались панихиды при гробѣ Высокопреосвященнымъ Димитріемъ, въ сослуженіи духовенства градскихъ церквей. Въ 11 часовъ 29 ноября здѣсь совершена была панихида въ присутствіи начальствующихъ и воспитанницъ епархіального женскаго училища, явившихся въ Отрочѣ монастырь, чтобы поклониться останкамъ святителя.

Въ день, назначенный для перенесенія гроба съ тѣломъ почившаго Архипастыря въ каедральный соборъ, въ теплую церковь Отроча монастыря около 3 часовъ собрались: ректоръ Тверской духовной семинаріи, архимандритъ Иннокентій, настоятель Старицкаго Успенскаго монастыря, архимандритъ Николай, все духовенство города Твери, при чемъ духовенство каедральнаго собора, Филипповской, Вознесенской, Воскресенской и Троицкой Заволжскихъ церквей — съ хоругвями, св. иконами и крестами, которые были несены

членами Тверского Общества хоругвеносцевъ. Между присутствовавшими въ храмѣ находились: вице-губернаторъ, дѣйств. статскій совѣтникъ Н. Н. Усовъ, председатель окружного суда, тайный сов. О. В. Домашевскій-Песлякъ, управляющій казенною палатой, дѣйств. статскій совѣтникъ И. А. Ивановъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйств. статскій совѣтникъ В. А. Плетневъ, прокуроръ Тверского окружного суда, статскій совѣтникъ Н. Я. Чемадуровъ, исполн. обяз. городского головы Е. А. Знаменскій и другіе. Храмъ былъ наполненъ множествомъ молящихся, а внутренность монастыря была занята сплошною массою народа. Ровно въ три часа прибылъ въ Отрочъ монастырь Высокопреосвященный Димитрій и, встрѣченный при входѣ въ церковь во имя святителя Филиппа, прошелъ въ алтарь для облаченія. По совершеніи затѣмъ литіи, гробъ съ тѣломъ почившаго Преосвященнаго Василія былъ поднятъ руками протоіереевъ и священниковъ, вынесенъ изъ церкви и поставленъ на особо устроенный для этого одръ. Послѣ краткой литіи, совершенной здѣсь Высокопреосвященнымъ Димитріемъ, крестный ходъ съ останками почившаго Владыки изъ Отроча монастыря направился по набережной Волги къ кафедральному собору въ слѣдующемъ порядкѣ¹⁾: впереди

1) По распоряженію Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Тверского и Кашинскаго, былъ составленъ слѣдующій порядокъ выноса и погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнаго Василія, Епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи: 1) 29 ноября въ 3 часа дня духовенство 1 и 2 благочиній г. Твери имѣетъ собраться въ Отрочъ монастырь въ черныхъ облаченіяхъ, при чемъ духовенство кафедральнаго собора, Филипповской, Вознесенской, Воскресенской и Троицкой Заволжскихъ церквей съ хоругвями, св. иконами и крестами; 2) къ тому же времени собираются и члены Общества Тверскихъ хоругвеносцевъ въ присвоенныхъ имъ кафтаняхъ; 3) послѣ литіи, совершенной Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, въ сослуженіи всего духовенства г. Твери, гробъ съ тѣломъ почившаго Преосвященнаго Василія

шли хоругвеносцы съ фонарями, съ хоругвями, запрестольными иконами и крестами; за ними два діакона несли гробовую крышку; затѣмъ слѣдовали—воспитанницы и воспитанники старшихъ классовъ духовно-учебныхъ заведеній, съ начальствующими и учащими, семинарскій хоръ и псаломщики въ черныхъ стихаряхъ. Потомъ шли священнослужители по два въ рядъ, архимандриты и Высокопреосвященный Дмитрій, сопровождаемый протодіакономъ и соборными діаконами; затѣмъ у гроба почившаго—посошникъ съ его посохомъ, діаконъ съ клобукомъ, малымъ омофоромъ и митрой на блюдѣ, духовникъ усопшаго и два священника, изъ коихъ одинъ несъ напрестольный крестъ, а другой—св. Евангеліе.

имѣть быть вынесенъ протоіереями и іереями изъ Отроча монастыря для слѣдованія въ каедральный соборъ; 4) шестіе въ каедральный соборъ совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: а) впереди хоругвеносцы несутъ фонари съ вожженными въ нихъ свѣчами; б) за фонарями хоругвеносцами несутся хоругви и св. запрестольные иконы и кресты; в) крышка отъ гроба въ Возѣ почившаго Преосвященнаго Епископа Василія несется попеременно о.о. діаконами; г) за крышкой отъ гроба слѣдуютъ воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній старшихъ классовъ съ начальствующими и учащими; д) за воспитанниками и воспитанницами—хоръ пѣвчихъ—семинарскій; е) за пѣвчими псаломщики въ стихаряхъ несутъ орденъ и другіе знаки отличія почившаго Преосвященнаго; ж) за вышеозначенными псаломщиками слѣдуютъ священнослужители, т. е. іереи, протоіереи по два въ рядъ и др.; з) о.о. иподіаконъ слѣдуютъ съ дикиріемъ и трикиріемъ; и) Высокопреосвященнѣйшій Дмитрій, Архіепископъ Тверской и Кашинскій, сопровождаемый протодіакономъ и соборными діаконами; і) предъ катафалкомъ идутъ посошникъ съ посохомъ, о.о. діаконъ съ клобукомъ, малымъ омофоромъ и митрою на блюдѣ, а также духовникъ почившаго со св. иконою; к) за означенными о.о. діаконами слѣдуютъ два священника, изъ коихъ одинъ несетъ напрестольный крестъ, а другой св. Евангеліе; л) катафалкъ съ тѣломъ почившаго Преосвященнаго Василія, осѣняемый ршдами; 5) по прибытіи въ каедральный соборъ совершается панихида; 6) въ 6 часовъ вечера 29 ноября рѣдкій звонъ въ большой колоколъ къ парастасу, который имѣетъ быть совершенъ соборными духовен-

За ними былъ несенъ гробъ съ останками Преосвященнаго Василия, осѣняемый рипидами. На всемъ протяженіи пути хоръ семинарскихъ пѣвчихъ непрерывно пѣлъ ирмосы „Помощникъ и Покровитель“, а предъ всѣми церквами, лежавшими на пути, были совершены краткія литіи. Безчисленныя массы народа встрѣчали и сопровождали тѣло усопшаго до самаго кафедральнаго собора, предъ которымъ также была отправлена краткая литія. По внесеніи тѣла почившаго Преосвященнаго въ соборъ и по установленіи гроба его на особо приготовленномъ посреди храма катафалкѣ, Высокопреосвященнымъ Димитріемъ была совершена панихида, въ сослуженіи городского духовенства и при пѣніи хора семинарскихъ пѣвчихъ. Въ тотъ же день вечеромъ въ 6 часовъ, послѣ

ствомъ; 7) въ 9 часовъ утра 30 ноября заупокойная литургія въ кафедральномъ соборѣ и послѣ оной панихида; 8) 30 ноября въ 6 часовъ вечера всенощное бдѣніе, а послѣ онаго панихида; 9) 1 декабря божественная литургія, которую имѣеть совершить Высокопреосвященнѣйшій Димитрій въ сослуженіи архимандритовъ, протоіереевъ, іереевъ, по назначенію Его Высокопреосвященства; 10) послѣ литургіи Высокопреосвященнѣйшій Димитрій имѣеть совершить отпѣваніе и чинъ погребенія въ сослуженіи всего духовенства г. Твери, а также прибывшихъ въ Тверь о.о. архимандритовъ и др. духовныхъ лицъ; 11) послѣ отпѣванія гробъ съ тѣломъ почившаго, въ предшествіи хоругвей, св. иконъ и крестовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ духовно-учебныхъ заведеній, Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія,—слѣдуетъ въ Отрочъ монастырь въ томъ порядкѣ, въ какомъ былъ перенесенъ въ кафедральный соборъ; 12) по прибытіи въ Отрочъ монастырь тѣло почившаго будетъ предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ Отроча монастыря; 13) во время перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Преосвященнѣйшаго Василия въ кафедральный соборъ и обратнаго слѣдованія изъ собора въ Отрочъ монастырь производится перезвонъ въ церквахъ, находящихся на пути погребальнаго шествія; 14) во время отпѣванія тѣла Преосвященнѣйшаго Василия перезвонъ долженъ производиться какъ въ кафедральномъ соборѣ, такъ и въ Отрочѣ монастырѣ; 15) хоры пѣвчихъ во время перенесенія тѣла попеременно поютъ каноны „Помощникъ и покровитель“ и „Волноу морскую“.

рѣдкаго звона въ большой колоколъ, въ кафедральномъ соборѣ было совершено заупокойное всенощное бдѣніе (парастася) и послѣ онаго панихида.

Поздняя заупокойная литургія въ субботу, 30 ноября, была совершена по почившемъ Архипастырѣ ректоромъ духовной семинаріи, архимандритомъ Иннокентіемъ, въ сослуженіи священниковъ—преподавателей семинарии, духовника и соборнаго духовенства и въ присутствіи начальствующихъ, учащихъ и учениковъ. Во время причащаннаго стиха воспитанникомъ 6 класса Иваномъ Волковымъ была произнесена отъ лица учениковъ семинаріи слѣдующая рѣчь:

„Преосвященнѣйшій Владыко,
незабвенный Архипастырѣ!

„Воспитанники любимой тобою Тверской духовной семинаріи, которою ты управлялъ около года, поручили мнѣ сказать нѣсколько словъ на прощаніе съ тобой. Не изображеніе твоего духовнаго образа, не оцѣнка твоей свѣтлой личности будетъ цѣлью моей рѣчи. Задача моя скромнѣе—передать тѣ впечатлѣнія, которыя запали намъ въ душу отъ тебя, какъ нашего воспитателя—начальника. Отрадны эти впечатлѣнія, съ удовольствіемъ и любовью остановится каждый изъ насъ на чувствахъ, связанныхъ съ твоимъ именемъ. Неотразимое вліяніе оказывалъ ты на насъ, своихъ питомцевъ, не силою только своего разума, не обаяніемъ только научныхъ заслугъ; нѣтъ, въ тебѣ было нѣчто несравненно большее, чѣмъ всѣ научныя заслуги: ты былъ одной изъ тѣхъ прекрасныхъ и благородныхъ личностей, которыя лишь изрѣдка украшаютъ собою наше общество. Нужно было сколько-нибудь знать тебя, чтобы видѣть, какъ чиста была твоя безхитростная, незлобивая душа, какъ былъ отзывчивъ на все прекрасное и благородное твой умъ, какое проникну-

тое любовью ко всему доброму сердце билось въ твоей груди! Ты былъ воплощенною простотою, въ которой и познается истинное величіе, — простотою, привлекавшею и очаровывавшею насъ своею нравственной красотой. Какъ любилъ ты нашу семинарію! Какъ любилъ ты учащееся юношество, для котораго ты былъ больше заботливымъ покровителемъ и добрымъ охранителемъ, чѣмъ начальникомъ! Къ кому, какъ не къ тебѣ, мы чаще всего обращались съ своими нуждами, и у кого, какъ не у тебя, мы скорѣе всего находили не только сочувствіе, но и утѣшеніе. Если можно было сдѣлать что-нибудь для нашей пользы, ты всегда старался сдѣлать. Если же нельзя было, если не въ твоей власти было исполнить какую-либо просьбу или облегчить чью-либо участь, то ты, по крайней мѣрѣ, не вселялъ въ душу просителя ложныхъ надеждъ, говорилъ откровенно и прямо и всегда старался утѣшить его, дѣлая это съ искренней душевностью и теплотой. Многимъ, очень многимъ изъ насъ памятна небольшая пріемная комната и добрая, мягкая улыбка, — улыбка, теперь неподвижнаго, холоднаго лица, — улыбка, располагавшая къ откровенности. Не мало тайнъ, тяготѣвшихъ на совѣсти учащихся, раскрыто въ этой маленькой комнатѣ, и быть можетъ, нигдѣ не была такъ искренна исповѣдь, какъ подъ твоимъ ласкающимъ взоромъ. И ни звука осужденія, ни слова холодной морали не слыхалъ ученикъ изъ твоихъ устъ. Ты умѣлъ врачевать язвы инымъ, несравненно лучшимъ способомъ — отечески теплымъ совѣтомъ и дѣятельною помощью. Сколько нужно было терпѣнія, какой богатый запасъ снисходительности и любви къ питомцамъ, чтобы выслушивать и отвѣчать на запросы ихъ, которые предъявлялись иногда со всемъ эгоизмомъ юношескаго увлеченія! Прости же, дорогой нашъ Архипастырь, тѣ неприятели, которыя мы по юношеской вѣтрениости иной разъ причиняли тебѣ.

„Прости и меня, незабвенный Архипастырь, что я такъ

много мѣста даю моему слабому слову! прими его, какъ послѣднюю дань любви и благоговѣнія, которыми сопровождаютъ тебя въ вѣчный покой мои сотоварищи. Ты заслужилъ отъ насъ эту любовь и благоговѣніе, такъ какъ очень значительную часть своихъ силъ—физическихъ и нравственныхъ—посвятилъ на служеніе нашей семинаріи, ея многочисленнымъ питомцамъ. Твердо вѣруемъ, что спокоенъ будетъ твой сонъ, ибо ты свято исполнялъ свой долгъ и самоотверженно трудился на славу св. Церкви и пользу ввѣреннаго тебѣ юношества.

„Память о тебѣ будетъ долго и долго жить въ сердцахъ признательныхъ и благодарныхъ тебѣ учениковъ. Твой образъ, прекрасный и благородный, напечатлѣется въ нашемъ сердцѣ неизгладимыми чертами, засіяетъ тамъ мягкимъ, согревающимъ свѣтомъ, и всегда будетъ возбуждать въ сердцахъ нашихъ святой энтузіазмъ ко всему доброму и прекрасному, чему такъ самоотверженно всю свою жизнь служилъ ты. Твое имя неизгладимыми буквами начертано будетъ въ исторіи нашей дорогой семинаріи. Оно присоединится къ числу тѣхъ достославныхъ именъ, которыя такъ дороги и незабвенны для ея питомцевъ. Прими же отъ насъ этотъ послѣдній привѣтъ, незабвенный Архипастырь, и съ миромъ иди въ уготованное тебѣ мѣсто упокоенія“!

По окончаніи литургіи, Высокопреосвященнымъ Дамиріемъ была совершена панихида, въ сослуженіи настоятеля Старицкаго Успенскаго монастыря, архимандрита Николая, и всего градскаго духовенства. Въ тотъ же день, послѣ классныхъ занятій, въ 5 часу вечера въ кафедральный соборъ, ко гробу почившаго святителя, явились, въ сопровожденіи начальствующихъ, воспитанницы всѣхъ классовъ Маріинской женской гимназіи, и, по ихъ желанію, соборнымъ причтомъ была совершена панихида. Равнымъ образомъ отправлена была панихида и послѣ воскреснаго всенощного

бдѣнія при многочисленномъ собраніи богомольцевъ изъ всѣхъ сословіи города.

Погребеніе въ Бозѣ почившаго Архипастыря состоялось 1 декабря, въ воскресенье. Звонъ къ литургіи въ этотъ день начался въ 9 часовъ. Но далеко еще до звона соборъ наполнился множествомъ молящихся. Около половины 10 часа прибылъ Высокопреосвященный Димитрій и, встрѣченный при входѣ въ храмъ духовенствомъ, выслушалъ положенныя предъ литургіей молитвы, приложился къ мѣстнымъ иконамъ, преподаль всѣмъ находившимся въ храмѣ святительское благословеніе и, по облаченіи, приступилъ къ совершенію литургіи. Въ сослуженіи съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: настоятель Успенскаго Желтикова монастыря, архимандритъ Владиміръ, настоятель Успенскаго Старицкаго монастыря, архимандритъ Николай, протоіерей кафедральнаго собора Петръ Соколовъ, ключарь собора, протоіерей Николай Модестовъ, Тверскаго Христорождественскаго женскаго монастыря протоіерей Михаилъ Драницынъ, епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, священникъ Іоаннъ Соловьевъ, казначей Отроча монастыря, іеромонахъ Тихонъ, духовникъ въ Бозѣ почившаго архипастыря, іеромонахъ архіерейскаго трехсвятительскаго дома Галактіонъ и іеромонахъ архіерейскаго городского дома Теофанъ. Въ пѣніи литургіи участвовали два хора—архіерейскій и семинарскій. На богослуженіи присутствовали: начальникъ губерніи, князь Н. Д. Голицынъ, вице-губернаторъ Н. Н. Усовъ, начальникъ гарнизона генераль-майоръ Голубковъ, председатель Тверскаго окружнаго суда О. В. Домашевскій-Песлякъ, прокуроръ Н. Я. Чемадуровъ, начальствующія и должностныя лица разныхъ учрежденій, представители города и воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній. Во время литургіи, вмѣсто причастнаго стиха, ректоромъ духовной семинаріи, архимандритомъ Иннокентіемъ произнесено было слѣдующее слово:

„Надъ гробомъ усопшихъ, наипаче—людей именитыхъ, привыкли мы слышать слова похвалы человѣческой, перечисленіе заслугъ и трудовъ, указаніе высокихъ достоинствъ умершихъ. Конечно, могли-бы и мы это сдѣлать, когда-бы желали сплести сей словесный вѣнокъ почившему Архипастырю нашему, ибо подвигомъ добрымъ и онъ подвизался для Божіей славы и ближнимъ на пользу, путь свой свершилъ до конца благочестно, вѣру живую соблюлъ и вѣнецъ заслужилъ, уготованный любящимъ Бога. Почти тридцать лѣтъ онъ несъ тяготу учительства и начальствованія въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ,—а это есть трудъ, въ настоящее время настолько нелегкій, что менѣе сильные духомъ бѣгутъ отъ него. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ могучій на-видь организмъ внутри былъ надломленъ давно, и смерть ужъ не разъ простирала къ нему свою хладную руку. Но къ подвигу педагогическому почившій владыка не усомнился присоединить еще крестоношеніе иночества, и такимъ образомъ приблизилъ къ устамъ своимъ горькую чашу различныхъ лишеній и скорбей, коими наполнена эта—на взглядъ мірянина—спокойная монашеская жизнь. Напрасно говорятъ, что здѣсь бываютъ и рѣшеніе и подвигъ добровольные. Нѣтъ, —жизнь человѣка слагается такъ, стелется путь такой, отъ котораго нельзя уклониться безъ нарушенія Божіей воли,—слышится призваніе свыше, и избранному Богомъ остается только честно и послушно итти на этотъ зовъ,—вотъ какъ должно понимать добровольность монашества. Впрочемъ, только тотъ, кто хотя отчасти испыталъ эту тяжесть одиначества съ запретомъ на все, для другихъ не только дозволенное, но даже какъ-будто необходимое, кто испыталъ это томленіе духа вдали отъ людей самыхъ близкихъ, или, по крайней мѣрѣ, единомысленныхъ, эти скорби, идущія отъ видимыхъ и тайныхъ враговъ, въ коихъ „міръ“ не даетъ утѣшенія,—только тотъ согласится и знаетъ, сколь великъ и тяжелъ этотъ крестъ.

„Однако для почившаго и здѣсь еще не былъ конецъ,

потому что въ послѣдніе годы жизни онъ подъялъ на рамена свои еще болѣе тяжкое бремя епископства. И напрасно опять полагають, что это—высокій почетъ, способный утѣшить челоуѣка и вознаградить его за всѣ труды и лишенія. Правда, конечно, что это попреимуществу *доброе дѣло* (1 Тим. III, 1) и высоко цѣнимое въ Церкви. Но чего стоитъ поднять и оправдывать этотъ тяжелый почетъ, эти заботы о всѣхъ вообще и о каждомъ въ отдѣльности! чего стоитъ эта борьба за себя и за другихъ съ разнообразными врагами спасенія и порядка, особенно въ наше печальное время,—кто знаетъ, чего это стоитъ?! Поэтому отнюдь не напрасно въ церковномъ богослуженіи положены особыя молитвы за архипастырей,² и часто возглашаются ихъ имена: до изнеможенія труждающіеся и тяжело обремененные, они дѣйствительно имѣють особую надобность въ молитвѣ пасомыхъ.

„Подъ этимъ послѣднимъ крестомъ угасла и жизнь почившаго владыки,—угасла, какъ гаснетъ лампада предъ иконою, истощивъ, наконецъ, свой елей....

„Итакъ, къ чему теперь послужилъ-бы вѣнокъ нашъ, когда ужъ земныя отличія, которыми украшаются люди при жизни, по смерти усопшему не нужны?—Не вѣнки и похвальные рѣчи нужны ему нынѣ, а теплыя наши молитвы, которыя душу спасаютъ отъ гнѣва Господня; а намъ съ вами, братіе, какъ ученикамъ и почитателямъ его, полезно теперь нарочито размыслить о томъ, что смерть и каждаго изъ насъ ожидаетъ. Итакъ, среди молитвъ объ усопшемъ исполнимъ и то, что и самимъ намъ полезно.

„Когда въ школѣ изучаютъ правило и указываютъ множество ясныхъ примѣровъ, тогда истина дѣлается очевидною и исполняется всѣми; но если и послѣ сего кто-нибудь не усвоитъ преподаннаго, или не сумѣетъ примѣнить его къ дѣлу, то онъ порицается всѣми, какъ школьникъ дурной и лѣнивый. Наблюдается нѣчто подобное и въ жизненной школѣ, гдѣ вмѣстѣ съ дѣтьми являются учениками и взрослые люди, гдѣ учатся цѣлыя племена и народы, гдѣ учится все чело-

вѣчество. И много поучительныхъ примѣровъ видятъ люди на жизненномъ пути,—но самый выразительный, самый ясный и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный примѣръ и урокъ видятъ они, несомнѣнно, въ многообразныхъ явленіяхъ смерти. Дѣйствительно, каждый взмахъ ея мрачныхъ крыльевъ ледянитъ наше слабое сердце. Каждый мертвецъ, если даже при жизни своей онъ былъ совершенно безгласенъ и не могъ произнести ни единого слова,—по смерти начинаетъ проповѣдывать краснорѣчивѣ всякаго оратора, что она безсердечна, внезапна, ужасна и зла, потому что противна природѣ, созданной для нетлѣнія. Каждая свѣжая могила свидѣтельствуетъ, что созданный изъ земли человекъ снова въ нѣдра ея возвратится, *яко нѣсть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти* (Псал. 88, 49). Каждая новая гробница заявляетъ, что никто еще отъ вѣка не заключалъ договора съ этимъ исконнымъ врагомъ человѣческаго рода и не оградилъ себя отъ его нападеній, и даже не условился относительно мѣста и времени для роковой встрѣчи съ нимъ.

„Если же таково впечатлѣніе отъ каждаго отдѣльнаго случая смерти, то впечатлѣніе это, несомнѣнно, усилится до степени чрезвычайной, когда голоса этихъ страшныхъ свидѣтелей брѣнности человѣческой жизни сольются въ одинъ общій хоръ, какъ мы это имѣемъ въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ,—нынѣ, въ теченіе единой седмицы на нашихъ глазахъ смертоносный ангелъ почти одновременно унесъ нѣсколько дорогихъ жизней людей именитыхъ, стоявшихъ у кормила правленія въ области нашей. Одинъ за другимъ упали они, какъ зрѣлые колосья подъ серпомъ жнеца во время жатвы; одинъ за другимъ умирали они подъ ударами смерти, какъ воины въ битвѣ, хотя вокругъ насъ и не слышно ни пушекъ, ни кликовъ военныхъ; одинъ за другимъ выходили изъ строя, оставляя живымъ свои завѣты. Не было слышно ихъ словъ, сомкнулись уста ихъ, и очи закрылись, и только одна св. Церковь материнскимъ сердцемъ своимъ поняла ихъ завѣты и запечатлѣла ихъ въ истинно-художественныхъ обра-

захъ и поѣтическихъ словосочетаніяхъ своихъ пѣснопѣній и молитвъ, которыя входятъ теперь въ составъ умилительнаго чина погребенія. Такимъ образомъ, для насъ есть возможность услышать и нынѣ, какъ словами молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній этого чина собесѣдуетъ съ нами, скорбитъ и молится усопшій ¹⁾.

„Смотрите, братіе,—какъ будто говоритъ онъ,—сегодня я ушелъ, а завтра ты, а тамъ другой и третій. Понеже всѣ идемъ въ одну обитель, и всѣ подъ тойже ляжемъ камень, и скоро прахомъ всѣ явимся... Жизнь земная есть игралище, минутный сонъ и вѣтерокъ случайный... Смерть подошла ко мнѣ нежданно, какъ разбойникъ изъ засады, подошла и все разрушила; она подкралась, яко хищникъ, набросилась и совершила свое дѣло, таинственное и ужасное: таинственное, потому-что я не понялъ, какимъ образомъ живое дѣлается мертвымъ; но въ то же время и ужасное, потому-что созданная по образу Божію моя красота превратилась въ безобразіе, тѣлесная доброта почернѣла, увяла свѣжесть, охладѣла кровь... Моя душа боролась до послѣднихъ силъ, но скоро ослабѣла и съ великимъ страхомъ и слезами отошла. Куда теперь идти,—она не знаю, или какой наступитъ образъ бытія теперь для насъ—не знаю... Но воставше убо соберитесь, и сѣдше слово услышите: страшное, братіе, судише, идѣже имамы предстати. Нѣсть тамо рабъ, ниже свободенъ, ниже малъ, ниже великій, но тамо грозный судъ, и испытаніе ужасное, и обличителіе страшній. Нѣтъ тамъ покаянія и нѣтъ ослабы,—но тамо червь неусыпаемый, земля темна и помрачена вся, идѣже имамъ осудитися... Сего ради, дондеже имате время, здравствуйте друзи, здравствуйте чада, спасайтесь братіе, спасайтесь знаеміи, а я—въ путь мой иду... и помните, что нынѣ я, а завтра ты, а тамъ другой, и третій“.

¹⁾ Вся послѣдующая рѣчь составлена почти изъ буквальныхъ выраженій, взятыхъ изъ чина іерейскаго отпѣванія.

„Однако, смерть ужасна намъ не тѣмъ, что всѣ умремъ, но тѣмъ, что и за гробомъ *живы будемъ*. Ибо, если бы было иначе, то каждый злодѣй не имѣлъ бы предѣла своимъ злодѣяніямъ; если бы было иначе, то зло ужъ давно затопило бы грѣшную землю; если бы люди сознали, что не должно отчета давать никому, то всякую мерзость спокойно содѣлали бы, всякій грѣхъ оправдали бы, все для себя разрѣшили бы, подобно древнимъ безумцамъ сказали бы: будемъ ѣсть и пить, ни на что не взирая, ибо все равно—завтра умремъ (Исаи ХХІІ, 13). Съ другой стороны, если со смертью кончается жизнь, то къ чему бы явились законы, зачѣмъ благочестіе, для чего посты и бдѣнія и тысячи скорбей во имя добра?— Но этого нѣтъ, и смерти намъ должно страшиться, потому что за нею „всѣмъ подобаеъ явиться судищу Христову, да кійждо приметъ яже съ тѣлсмъ содѣла, или блага, или зла (2 Кор. V, 10). Страшно труба тогда возгласитъ, и отъ вѣка спящія отъ сна возставитъ. Тамо небо свѣтается, яко свитокъ, и звѣзды падутъ, и страхомъ вся тварь поколеблется, и свѣтъ обратится во тьму..., и для грѣшниковъ страшное время наступитъ: геенскій огонь, скрежетъ зубовой, и плачь неутѣшный, и вѣчная мука.

„Но тамъ-же и царскій чертогъ уготовится, райскія двери отверзутся, славное царство Христово начало приметъ, идѣже вси праведницы обрящутъ покой отъ земныхъ трудовъ и печалей своихъ.

„Ей, Господи, вѣруемъ, что и усопшій святитель войдетъ въ Твое вѣчное царство, получить почетъ и отраду, найдетъ себѣ истинный миръ и покой,—ибо не напрасно св. Церковь въ своемъ чинѣ погребенія,—который мы скоро услышимъ,—влагаетъ въ уста его пѣснь, доходящую до нашего слуха какъ-будто изъ міра загробнаго: *нынѣ упокоихся и обрѣтохъ слабу многу, яко преставихся отъ истлѣнія и преложихся къ животу: Господи, слава Тебѣ*“. Аминь.

По окончаніи литургіи, когда многочисленное духовенство, выйдя въ черныхъ облаченіяхъ во главѣ съ Архипа-

стыремъ изъ алтаря, расположилось по обѣимъ сторонамъ гроба, Высокопреосвященный Димитрій обратился къ молящимся съ архіерейской кафедры со слѣдующими приблизительно назидательными словами:

„Отцы и братіе.

„Тяжелую утрату понесли мы въ преждевременной кончинѣ предлежащаго предъ нами нынѣ во гробѣ Преосвященнаго Василия... Но особенно чувствительна и невознаградима потеря въ его смерти для меня. Преосвященный Василій былъ для меня не только викарій, мой сотрудникъ по дѣламъ управленія многолюдной епархіей, но и опытный помощникъ въ рѣшеніи дѣлъ затруднительныхъ, благой и добрый совѣтникъ въ недоумѣнныхъ случаяхъ, неутомимый труженикъ въ порученномъ его вѣдѣнію кругу дѣятельности. Безпрекословно и точно исполняя всѣ порученія, какія ему только предлагались мною, онъ обнаруживалъ при этомъ замѣчательное христіанское смиреніе. И дивишься, бывало, какъ скоро выполнялъ онъ всякое данное ему порученіе, какъ глубоко и основательно въ короткое время рѣшалъ сложныя дѣла! Отчеты о ревизіи церквей и монастырей онъ представлялъ мнѣ немедленно по возвращеніи изъ своихъ поѣздокъ; его резолюціи на дѣлахъ, подлежащихъ его разсмотрѣнію, всегда отличались основательностію сужденій, глубокимъ проникновеніемъ въ сущность дѣла и строгою справедливостію. Поистинѣ, самъ Господь послалъ мнѣ въ лицѣ его такого помощника и сотрудника, какого только и можно было желать... Неожиданно для меня и дивно было и его избраніе на должность ректора здѣшней семинаріи, а затѣмъ и возведеніе его въ епископскій санъ, въ викаріи здѣшней епархіи. Не стану говорить, какъ до того мнѣ невѣдомый, изъ свѣтскаго человѣка, занимавшаго 26 лѣтъ при духовной семинаріи кафедру физико-математическихъ наукъ, превратился онъ въ глубокомысленнаго богослова, отличнаго проповѣдника слова Божія... Обращу ваше вни-

маніе только на то, что служеніе его было *свыше* предназначено именно на пользу здѣшной епархіи. Мною избранный и не безъ затрудненій проведенный на ректорскую должность, онъ неожиданно и къ горькому для меня сожалѣнію перемѣщается на должность ректора Кіевской семинаріи. Простилась съ нимъ здѣшняя семинарія, сданы были имъ дѣла по разнымъ комитетамъ и обществамъ, подлежащія его вѣдѣнію, отослано было въ Кіевъ его имущество, состоявшее главнымъ образомъ изъ книгъ. Думалось, что мы разстались съ нимъ навсегда... Но дня за два до назначеннаго имъ времени отбытія къ новому мѣсту служенія онъ неожиданно и такъ сильно заболѣваетъ, что врачи отчаивались въ его выздоровленіи. Два мѣсяца боролся онъ между жизнью и смертію, которая, по его выраженію, заглядывала уже ему въ глаза... Но Господь воздвигъ его отъ одра болѣзни, и по моему ходатайству ему предложено было временное управленіе Тверскимъ Отрочемъ монастыремъ, въ которомъ тогда не было настоятеля. Для меня требовался новый викарій, и мое вниманіе остановилось на архимандритѣ Василии; я утруждалъ Святѣйшій Синодъ просьбами о возведеніи его въ санъ Епископа Старицкаго. Здоровье его послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни не окрѣпло, и въ совершенномъ выздоровленіи его сомнѣвались, а потому замедлялось и назначеніе на кафедру викарія. Когда же состоялось это назначеніе, Св. Синодъ, во вниманіи къ его слабому здоровью и трудности переѣзда для него изъ Твери въ С.-Петербургъ, опредѣлилъ нареченію въ епископскій санъ и самой хиротоніи быть въ Твери. Благодареніе Богу, послѣ хиротоніи онъ сталъ поправляться и около трехъ лѣтъ (2 года 7 мѣс.) въ санѣ Епископа Старицкаго былъ моимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ.

„Добрая молва о полезной дѣятельности Преосвященнаго Василія распространилась не только по епархіи, но достигла и царствующаго града. Св. Синодъ уже предназначилъ его изъ викаріевъ на самостоятельную кафедру, и въ Востокъ почившій получалъ уже поздравленія съ назначеніемъ къ новому

мѣсту служенія.. Но какъ три года назадъ, ему, утвержденному въ должности ректора Кіевской семинаріи, не пришлось увидѣть г. Кіева, такъ и нынѣ, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, ему не суждено оставить Тверь и занять самостоятельную кафедру въ Рязани. Невольно припоминаются слова праведнаго Іова: *Господь даде его намъ на время, Господь и отъятъ. Буди имя Господне благословенно отнынь и до вѣка!* Блаженъ путь, коимъ идетъ его праведная душа, а мы со смиреніемъ и покорностію должны подчиниться волѣ Божіей..

„Но при этомъ горестномъ событіи нельзя не обратить намъ вниманія на тяжкія испытанія, ниспосылаемыя Богомъ на нашъ городъ... Надъ нимъ простерта карающая десница Господа. Ангель смерти извлекъ свой мечъ и внезапно поражаетъ лучшихъ гражданъ. Въ теченіе этой недѣли мы не разъ были свидѣтелями грознаго суда Божія. Въ прошлое воскресенье мы предали землѣ тѣло долго, съ честію и пользой потрудившагося городского головы А. Ѳ. Карпова, а въ это воскресенье собрались отдать послѣдній христіанскій долгъ въ Бозѣ почившему Преосвященному Василию; среди же этихъ дней неумолимая смерть похитила еще нѣсколько человѣкъ отъ среды живыхъ, такъ что въ одинъ день въ Твери были преданы землѣ четыре лица, извѣстныхъ гражданамъ... Кто знаетъ, можетъ быть, и среди насъ уже намѣчены жертвы гнѣва Божія; можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ насъ нынѣшній день—послѣдній день нашего земного бытія. А страшно предстать неготовымъ предъ судищемъ Христовымъ, предъ строгимъ и нелицепріятнымъ Судією. Грозныя наказанія Божіи постигаютъ насъ, и въ два полярды воскресенья мы присутствуемъ при погребеніи лучшихъ людей нашего города.. Не служить-ли это явнымъ указаніемъ на неблагоговѣйное отношеніе наше къ заповѣди Божіей о почитаніи воскреснаго дня?.. Законъ Божій требуетъ свято чтить *седьмой* день и посвящать его на служеніе Богу, а не на житейскія, мірскія дѣла. А что мы видимъ? Съ ран-

няго утра въ воскресный день цѣлые обозы сельскихъ жителей тянутся къ городу съ скудными пожитками своими на базаръ, а храмы Божіи остаются въ это время пусты, и въ нихъ только священнослужители совершаютъ службу Божію. Года четыре тому назадъ Господомъ строго были наказаны нарушители заповѣди о почитаніи воскреснаго дня. 26 сентября 1898 года, въ необычное время, пошла сильная свѣжная мятель съ рѣзкимъ, пронзительнымъ, холоднымъ вѣтромъ. Жители окольныхъ селеній и деревень возвращались съ воскреснаго базара, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были не трезвы, и около 20 человекъ близъ Твери замерзли и такимъ образомъ умерли безъ покаянія. Что же? Вразумились-ли этимъ нарушители заповѣди Божіей? Не попрже-ли и донинѣ въ воскресные дни торговыя площади переполняются торгующими поселянами?..

„Но, кажется, еще грѣшнѣе и предосудительнѣе проводятся воскресные дни въ городахъ людьми образованными, просвѣщенными... Съ вечера, когда св. Церковь колокольнымъ звономъ призываетъ своихъ чадъ въ храмъ Божій для молитвы, люди образованные собираются въ клубы и другія увеселительныя заведенія, проводятъ здѣсь цѣлыя ночи, предаваясь предосудительнымъ развлечениямъ, и возвращаются домой, когда раздастся съ колоколенъ звонъ къ утреннему богослуженію и ранней литургіи... Мало этого! отцы развращаютъ дѣтей своихъ, устраивая для нихъ подъ воскресные дни музыкальные вечера, маскарады и инныя развлечения, и дѣти отвыкаютъ отъ храмовъ Божіихъ, отчуждаются отъ Церкви, стыдятся молиться, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, носить на себѣ крестики, данные имъ, какъ христіанамъ, при крещеніи, и такимъ образомъ отрекаются отъ Христа, хотя и слыవుтъ христіанами.. Для родителей и воспитателей, развращающихъ своихъ дѣтей или ввѣренное имъ юношество, должно быть памятно грозное изреченіе Господа: *иже аще соблазнитъ единого малыя сихъ върующаго въ Мя, унесть ему, да обьсится жерновъ осельскій на выю его, и по-*

тонетъ въ пучинѣ морстей (Мѡ. 18, 6). Поистинѣ, достойно и праведно поражаетъ насъ Господь за такое презрѣніе заповѣди Божіей и особенно за развращеніе юношества“!..

Непосредственно за произнесеніемъ этого поученія началось совершеніе послѣдняго священнодѣйствія надъ останками почившаго святителя. Священнодѣйствіе это, выражающее возвышенное вѣрованіе православной Церкви объ упокоеніи душъ усопшихъ въ свѣтлыхъ чертогахъ обитателей небесныхъ, невольно возбуждаетъ въ душѣ молящихся благоговѣйныя чувства и укрѣпляетъ въ той мысли, что „*праведницы во вѣки живутъ, и во Господь мзда ихъ, и попеченіе ихъ у Вышняго: сего ради примутъ царствіе благолюбія и вѣнецъ доброты отъ руки Господни*“ (Парастасъ. Вторая паремія). Впечатлѣніе еще болѣе усиливается полными глубокаго смысла молитвословіями священническаго отпѣванія, всегда неотразимо дѣйствующаго на души молящихся и возводящаго умъ и сердце къ престолу Божію. *На небо очи мои возвожу*, взываетъ Церковь отъ лица почившаго: *къ Тебѣ, Слове, ущедри мя, да живу Тебѣ. — Помилуй насъ, уничтоженныхъ, устрояя благопотребныя Твоя сосуды, Слове!* Въ такомъ именно благоговѣйномъ настроеніи находились все присутствовавшіе при совершеніи послѣдняго священнодѣйствія надъ останками почившаго архипастыря. Припѣніи погребальныхъ стиховъ, невольно припоминались обстоятельства непродолжительной среди насъ жизни почившаго святителя, въ которыхъ такъ ясно обнаружились неисповѣдимыя судьбы о немъ Промысла Божія. Живо предносился предъ нами величественный образъ его во время нареченія въ санъ епископа, и невольно припоминались слова его, въ которыхъ онъ съ такою искренностью высказалъ и свой высокій взглядъ на святительское служеніе, и смиренное сознаніе своей немощи, и твердую надежду на помощь Божію. „*Становлюсь я на свѣщницѣ, говорилъ онъ тогда,*

да свѣтитъ свѣтъ мой предъ челоѣки, чтобы они видѣли добрыя дѣла мои и прославляли Отца Небеснаго, т. е. мнѣ предстоитъ быть маячнымъ огнемъ, долженствующимъ свѣтитъ всѣмъ, всегда, постоянно сильнымъ и ровнымъ свѣтомъ, направляющимъ путниковъ жизни, такъ, чтобы они береглись и избѣгали опасностей, крушенія и гибели, и входили въ благоотишную, вѣковѣчную, небесную пристань, возсылая Богу благодарныя мольбы. Господь поднимаетъ меня до положенія, относительно коего ближайшимъ образомъ примѣнимо Его Господне изреченіе: *еще кто хочетъ болій быти въ васъ, да будетъ всѣмъ рабъ*. Выходить, не покой душевный и тѣлесный сулить мнѣ предстоящее званіе, а непрерывную заботу, непокладный трудъ, полное отреченіе своей воли и своего времени. А св. апостоль эту же самую мысль выразилъ въ приложеніи къ своему дѣлу, давъ тѣмъ наставленіе всѣмъ преемникамъ своего служенія, такъ: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу*. Значить, въ силу апостольскаго наставленія, заключающагося въ этихъ словахъ, и мнѣ предстоитъ, отвергшись себя, взять непосильный для обыкновенной челоѣческой мощи крестъ всецѣлаго посвященія себя на служеніе другимъ и въ нихъ—Богу. Значить, и мнѣ должно будетъ быть въ одно и то же время представителемъ неколеблемой, вѣчной истины и, по крайности, не чуждымъ текучихъ вѣяній современной мысли и жизни,—старцемъ и юнымъ, сильнымъ, твердымъ, строгимъ—и младенчески мягкимъ, мудрымъ и простецомъ, нищимъ духомъ,—монахомъ и общественнымъ челоѣкомъ и дѣятелемъ, наставникомъ, руководителемъ, начальникомъ—и всеобщимъ и всегдашнимъ слугою, подвижникомъ,—и способнымъ, по крайней мѣрѣ, понимать и прочувствовать запинанія и паденія людей, нравственно свихнувшихся и свалившихся... Значить, и на моей обязанности будетъ быть готовымъ всегда понести всякую чужую тяготу, какъ свою собственную, больше

того—откладывая въ сторону и забывая свою—то собственную тяготу, брать на свои плечи чужую, а съ нею вмѣстѣ часто и самого изнемогаго подъ нею немощнаго брата, а то и цѣлыя десятки, сотни и тысячи братьевъ..... Да—это гора нравственной силы и совершенства необъятная не только для того, чтобы подняться на нее, но и охватить ее взоромъ зарѣзъ сколько-нибудь полно! Откуда же мнѣ взять силъ для подъема на эту гору, когда и отъ Самого Господа Бога не получилъ я ни такого величія, ни такого разнообразія силъ, когда и дарованныя скромныя силы вымотаны уже у меня на протяженіи долгой труженической жизни, когда, наконецъ, и остатки дарованныхъ силъ подкосились было недугомъ, съ коимъ недавно еще заглянула въ самые глаза мнѣ смерть?

„Но да будетъ премудрая, всемогущая и примилосердая воля Божія!

„Съ своей стороны, для предстоящаго мнѣ неизмѣримо великаго служенія, дерзаю принести, въ настоящую вечернюю жертву Господу, только именно остатки своихъ силъ съ нѣкоторымъ жизненнымъ опытомъ,—принести отъ чистаго и полнаго сердца, тѣмъ болѣе полнаго, что остающіяся силы не нужны уже мнѣ самому ни для какихъ житейскихъ, земныхъ цѣлей, принести со страхомъ Божиимъ и вѣрою. И да довлѣетъ, Боже, та вѣра моя вмѣсто всѣхъ, та да отвѣщаетъ, та да оправдываетъ мя, та и да покажетъ мя причастника славы Твоея вѣчныя! Да совершится же сила Твоя, Господи, въ немощѣхъ моихъ! И да не попуститъ она въ остатокъ дней моихъ и за ними оказаться мнѣ совсѣмъ неключимымъ рабомъ“! Такъ велика и искренна была вѣра почившаго святителя Божія!....

Стройно, по чину и съ великимъ благоговѣніемъ совершалось священнодѣйствіе надъ останками архипастыря. Выразительное чтеніе св. Евангелія и апостольскихъ посланій,

умилительное пѣніе молитвословіи, громкое и раздѣльное чтеніе икосовъ, представляющихъ послѣднюю глубоко-назидательную бесѣду почившаго со служителями алтаря Господня о загробной жизни и суетѣ жизни мірской и сопровождающихся пѣніемъ всѣми окружающими гробъ священнослужителями ангельской пѣсни *аллилуйя*,—все это производило неотразимое впечатлѣніе на молящихся и возбуждало къ усердной молитвѣ объ упокоеніи души почившаго святителя. Послѣ чтенія ѿ Евангелія, преподаватель духовной семинаріи, священникъ Алексій Мирожинъ, получивъ благословеніе отъ Его Высокопреосвященства, обратился къ почившему со слѣдующею рѣчью:

„Дивны и непостижимы судьбы Божіи о тебѣ, почившій о Господѣ святитель Василій! Много лѣтъ—полжизни своей ты трудился на учебномъ поприщѣ, въ свѣтскомъ званіи, на востокѣ Россіи Вѣрно, думалъ ты тамъ же и окончить дни своей жизни и Богу духъ свой предать. Но Господу угодно было устроить иначе о тебѣ. Онъ благоволилъ, чтобы ты, оставивъ мірскую жизнь, принялъ иноческое званіе, возведенъ былъ въ санъ священно-архимандрита, а затѣмъ и Епископа Старицкаго. Поистинѣ, неисповѣдимы судьбы Божіи о тебѣ!

„Въ санѣ священно-архимандрита ты былъ ректоромъ нашей семинаріи, былъ нашимъ непосредственнымъ начальникомъ. Памятно твое прибытіе въ нашу семинарію, памятна твоя простая, задушевная и сердечная рѣчь при первомъ нашемъ представленіи тебѣ. Видно было, что ты много умудренъ былъ жизненнымъ опытомъ. Памятно твое доброе отношеніе къ намъ, преподавателямъ семинаріи. Правленіе твое проникнуто было и дышало духомъ мира и любви. Видно было, что ты хотѣлъ подражать и дѣйствительно подражалъ въ этомъ отношеніи покровителю нашей семинаріи—святителю Тихону, который самъ былъ ректоромъ нашей семинаріи, въ честь котораго освященъ и семинарскій храмъ.

Къ нему-то, несомнѣнно, ты весьма часто и обращался съ горячей молитвой о помощи тебѣ въ дѣлѣ управленія. И по молитвамъ сего святителя, вкупѣ, конечно, со всѣми Тверскими угодниками Божиими, Господь помогаль тебѣ право править семинаріей.

„Но это правленіе продолжалось немного болѣе одного года. Взоръ нашего благостнѣйшаго Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, давно былъ устремленъ на тебя, какъ такое лицо, которое можетъ быть дѣятельнымъ его помощникомъ по управленію Тверской паствой. И что же? Ты вскорѣ возводишься въ санъ Епископа Старицкаго,—дѣлаешься сотрудиномъ нашего Архипастыря. Надежда Его Высокопреосвященства сугубо оправдалась относительно тебя. Твои добрыя отношенія къ семинаріи и въ этомъ высокомъ санѣ не прекратились. Ты интересовался всею въ семинаріи—этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія: радовался ея радостью, когда узнавалъ, что все въ ней благополучно, и наоборотъ, печалился ея печалью, когда слышалъ о ней что-нибудь неблагопріятное. Мы видѣли это и радовались такому доброму твоему отношенію къ семинаріи. Не рѣдко мы обращались къ тебѣ за совѣтами, откровенно бесѣдовали съ тобой, особенно при посѣщеніи тобой въ великіе праздники нашихъ семействъ.

„Но недолго намъ пришлось пользоваться такимъ близкимъ и сердечнымъ отношеніемъ твоимъ къ намъ: Господу угодно было, послѣ тяжкой твоей болѣзни, хотя кратковременной, отозвать тебя въ вѣчность. Что дѣлать?! Видно, предѣлъ жизни человѣческой Господь назначаетъ, и человѣкъ не можетъ его прейти. Такъ Господь судилъ и о тебѣ. Поразила всѣхъ насъ внезапная, неожиданная кончина твоя. Мы лишились въ тебѣ дорогого для насъ лица—нашего печальника.

„И вотъ предъ нами теперь гробъ твой съ бранными останками твоими! Онъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ три года тому назадъ ты, крѣпкій духомъ, стоялъ

предъ соборомъ святителей и исповѣдалъ святую православную вѣру, и затѣмъ припялъ чрезъ нихъ благодать епископства.

„Почившій о Господѣ святитель Василиій! Чѣмъ же воздадимъ тебѣ за твою любовь къ намъ? Ничѣмъ другимъ, какъ любовью же, — молитвой вѣры и любви ко Господу: да воздастъ Онъ, Всеблагій, тебѣ сторицею за все твое добро! Да упокоитъ духъ твой въ Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, въ сонмѣ духовъ праведникъ совершенныхъ (Евр. 12, 23). Да будетъ отшествіе твое, сопровождаемое молитвами вѣры и любви всѣхъ здѣсь присутствующихъ, отшествіемъ къ принятію обѣтованія Господня: „вниди въ радость Господа твоего“! (Мѡ. 25, 21).

Но вотъ, когда наступило время воздать послѣднее поклоненіе и цѣлованіе, ко гробу почившаго святителя подошелъ одинъ изъ учениковъ его по Казанской семинаріи, учитель Новоторжскаго духовнаго училища Ардаліонъ Поповъ, и обратился къ нему съ слѣдующею прекрасною и глубоко-прочувствованною рѣчью:

„Пастырю и наставниче!

„Въ эту скорбно-трогательную минуту совершенія церковнаго обряда надъ тѣломъ твоимъ, позволь мнѣ къ тебѣ приблизиться для послѣдняго прощальнаго поклона. Этотъ поклонъ несетъ тебѣ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ учениковъ Казанской духовной семинаріи, которымъ довелось слушать твои уроки математики. Среди окружающей твой гробъ паствы я едва-ли не единственный свидѣтель и очевидецъ твоей предыдущей дѣятельности на поприщѣ педагогическомъ. Мнѣ пришлось быть твоимъ ученикомъ уже на закатѣ твоей преподавательской службы, хотя ничто еще не предвѣщало намъ близости того момента, когда ты смѣнишь и безъ того не пышную одежду мірянина на еще болѣе скромное одѣяніе инока.

„На твою долю выпала трудная задача — преподавать намъ, семинаристамъ, математику. Въ семинарскомъ курсѣ математика является какъ-бы дверью въ классъ философіи. На урокахъ математики умъ учащагося, еще не привыкшій къ строгому логическому мышленію, только что начинаетъ дисциплинироваться. Цѣль математическихъ положеній, аксіомъ и теоремъ, изъясненныхъ въ своей логической законченности, новичку однакоже представляется темнымъ боромъ, гдѣ онъ не умѣетъ различить спасительной тропы. Много нужно усилій и трудовъ, чтобы пріучить мысль не теряться въ математическихъ отвлеченностяхъ. И этотъ трудъ значительною долею тяжести ложится и на преподавателя. И тебѣ пришлось нести этотъ трудъ, — трудъ тѣмъ болѣе утомительный, что съ каждымъ вновь поступающимъ классомъ приходилось начинать дѣло съ начала. И ты бодро несъ этотъ трудъ, стараясь насъ подготовить къ тому моменту, когда съ высоты математическихъ абстракцій будетъ можно обнять весь необъятный видимый міръ съ его неизмѣнными законами, какъ единое цѣлое. Ты и самъ наслаждался и насъ училъ наслаждаться этой величественной картиной мірозданія, гдѣ каждая деталь имѣетъ свое значеніе въ общемъ планѣ міробытія. И подготовивъ насъ къ воспріятію всего разнообразія міровыхъ явленій, какъ закономернаго цѣлаго, — ты передавалъ насъ другому преподавателю въ классъ философіи, гдѣ наша мысль шла еще дальше, уносилась ввысь, переходя отъ видимой вселенной къ ея невидимому Творцу.

„Классъ за классомъ шли мы, твои ученики, по этому пути, то радуя тебя своимъ прилежаніемъ и успѣхами, то огорчая своимъ незнаніемъ и лѣнностью. Классъ за классомъ слушали мы твои ясныя, до прозрачности яснаго объясненія. Помню, — затаивъ дыханіе, сидѣли мы на урокахъ физики.. Ты садился рядомъ съ учениками на одну изъ партъ и начиналъ свою лекцію. Одушевленная и поэтическая рѣчь,

полная образъ и картинъ, лилась рѣкой, развертывая предъ нами одну за другой тайны мірозданія и его законы. Мы жадно внимали твоимъ словамъ, неподдѣльный восторгъ былъ написанъ на лицѣ каждаго питомца, — и это очарованіе прерывалось только досаднымъ звонкомъ...

„А твое прощаніе съ нами въ послѣдній урокъ!.. Сколько грусти слышалось въ твоихъ словахъ въ эту минуту разгаванья, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какую серьезностью были проникнуты твои послѣднія наставленія о нашемъ общемъ жизненномъ долгѣ — служеніи на благо Церкви!.. И намъ не хотѣлось разставаться съ тобой, не хотѣлось лишаться этихъ чудныхъ уроковъ, гдѣ заманчивость содержанія науки гармонически сливалась съ ея неподобнымъ изложеніемъ. Но мы должны были разстаться, и мы разстались. Кончили мы семинарію, разбрелись по разнымъ угламъ... Покинулъ ее и ты, влекомый Провидѣніемъ на новое служеніе... И здѣсь, на мѣстѣ твоего новаго служенія мнѣ пришлось встрѣтиться съ тобою, я надѣялся еще не разъ наслаждаться твоею бесѣдою, но Богъ судилъ иначе. И теперь — при гробѣ твоемъ — я стою одинъ изъ числа твоихъ прежнихъ питомцевъ, которыхъ ты такъ любилъ, и которые тебя такъ любили... Но мнѣ-ли передать ихъ скорбь, мнѣ-ли выразить ихъ чувства, вызванныя извѣстіемъ о твоей кончинѣ?! Тамъ, гдѣ оказывается мало словъ въ языкѣ человѣческомъ, приличнѣе молчаніе. Такъ прими же, пастырю добрый и наставниче мудрый, этотъ послѣдній прощальный мой поклонъ отъ лица твоихъ благодарныхъ учениковъ. Помолись предъ престоломъ Всевышняго, чтобы и намъ такъ же свято и безупречно исполнять нашъ жизненный долгъ, какъ свято и безупречно исполнялъ его ты“.

По произнесеніи этой рѣчи, Высокопреосвященный Димитрій прочиталъ разрѣшительную молитву и, воздавъ останкамъ почившаго поклоненіе и цѣлованіе, вошелъ

въ алтарь. Когда всё присутствовавшіе въ храмъ облобызали руку святителя, гробъ съ тѣломъ почившаго былъ поднятъ руками протоіереевъ и священниковъ, вынесенъ изъ собора и поставленъ на приготовленный одръ. Затѣмъ, въ предшествіи Его Высокопреосвященства, гробъ въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ совершался выносъ изъ Отроча монастыря, былъ обнесенъ вокругъ собора, при колокольномъ погребальномъ перезвонѣ, и печальное шествіе направилось въ Отрочъ монастырь. Здѣсь гробъ съ тѣломъ Преосвященнаго Владыки былъ опущенъ въ приготовленный въ Успенской соборной церкви склепъ, на лѣвой сторонѣ храма, около предолтарной колонны, подъ сѣнію гробницы св. Филиппа, митрополита Московскаго.

Предъ опущеніемъ гроба въ могилу, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Дмитрія, сотрудникъ въ Бозѣ почившаго святителя по благоустройству мѣста заключенія св. Филиппа, митрополита Московскаго, В. М. Окновъ сказалъ слѣдующее: „Сохранилось преданіе, что въ Отрочѣ монастырѣ нашли себѣ послѣднее упокоеніе два Тверскихъ іерарха— Ѳеодоръ II (1342—1360) и Моисей (1453—1461). А нынѣ Успенскій храмъ и земля монастырская принимаютъ въ нѣдра свои управителя и начальника своего Преосвященнаго Василія, святителя добраго и усерднаго молитвенника, Мнѣ, какъ лицу, не совсѣмъ чуждому этого святого мѣста, да позволено будетъ отъ лица братіи монастыря и отъ себя лично сказать нѣсколько словъ о дѣяніяхъ почившаго на благо этой древней святыни нашего города. Не долго, всего два съ половиною года, почившій архиастырь пребывалъ въ высококомъ санѣ Епископа и вмѣстѣ съ симъ въ положеніи управляющаго Отрочемъ монастыремъ, но и въ это сравнительно короткое время онъ успѣлъ оставить по себѣ неизгладимый слѣдъ въ исторіи его. Я разумью его великія заботы о приведеніи въ благоустроенное состояніе мѣста заключе-

нiя великаго святителя православной Церкви и всей Россiи, чудотворца, Московскаго митрополита Филиппа. Это церковно-исторической важности мѣсто, въ которомъ скончался мученическою смертію святитель, въ теченіе 330 лѣтъ находилось въ преступномъ зачуженіи. Но вотъ, при сочувственномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи Высокопреосвященнаго Дмитрія, это святое мѣсто обращено почившимъ Архипастыремъ въ прекрасную благоустроенную часовню, гдѣ почившій, благоговѣя предъ памятью великаго святителя, неопустительно по четвергамъ совершалъ св. мученику молебенъ, возстановлялъ этимъ память о св. Филиппѣ и привлекалъ въ свою обитель паломниковъ-богомольцевъ... Насколько интересовался почившій Архипастырь монастырской древностію, это видно еще изъ того, что за недѣлю только до блаженной кончины своей онъ бесѣдовалъ о возстановленіи памяти здѣсь же томившагося въ заточеніи ученаго монаха, преподобнаго Максима Грека. Но и въ другихъ отношеніяхъ надолго будетъ памятна для монастыря дѣятельность почившаго Архипастыря. Едва не ежедневно совершалъ онъ архіерейское богослуженіе и почти каждый разъ преподавалъ стекавшимся богомольцамъ слово назиданія. По заведенному имъ порядку, въ теченіе недѣли попеременно совершались въ монастырѣ акаѳисты и молебны Страстямъ Господнимъ, Успенію Божіей Матери, св. великомученицѣ Варварѣ и святителю Тихону, Задонскому чудотворцу, бывшему настоятелемъ въ этомъ же монастырѣ. Не буду говорить о добротѣ и сердечности почившаго святителя, каковыми свойствами привлекалъ онъ къ себѣ всѣхъ и cadaго. Но не могу умолчать о необыкновенной любви его къ дѣтямъ, которыя жизнерадостною толпою окружали его послѣ каждой литургіи, чтобы получить отъ него святительское благословеніе и кусочки просфоры. Неподдѣльные, чистыя слезы этихъ дѣтей, не выдавшихъ, быть можетъ, ласки родителей, я самъ

видѣлъ на панихидахъ по усопшемъ въ его покояхъ. Такимъ же добрымъ и ласковымъ былъ онъ и ко всей братіи монастыря и послѣ каждой совершенной литургіи приглашалъ всѣхъ сослужившихъ ему въ свои покои и изъ собственныхъ рукъ угощалъ чаемъ... Прости меня, святитель Божій и усердный молитвенникъ, за то, что я осмѣлился при гробѣ твоёмъ говорить о твоихъ дѣяніяхъ. Но я счелъ своимъ священнымъ долгомъ повѣдать всѣмъ, что въ кратковременное управленіе твое этою святою обителию ты, поистинѣ, сумѣлъ возвеличить нашъ бѣдный, захудалый монастырь нравственно, духовно, матеріально, и облагородить его братію. Находясь теперь предъ престоломъ Божиимъ вмѣстѣ съ небесными покровителями нашей обители: свв. Филиппомъ, великомученицей Варварой и святителемъ Тихономъ, ходатайствуй о предстательствѣ ихъ за насъ, а мы, разставшіеся съ тобою, будемъ, какъ умѣемъ, поминать тебя въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ.

„Да не будетъ тяжела тебѣ могила твоя подъ сѣнію первосвятителя Московскаго св. Филиппа, о прославленіи имени котораго во вѣрнной твоему управленію обители ты такъ радѣлъ при своей жизни!“

Въ Бозѣ почившій Епископъ Василій искренно оплакивается всѣми, кто близко соприкасался съ нимъ при его жизни. Многіе изъ сопровождавшихъ останки на мѣсто вѣчнаго упокоенія Владыки не могли удерживать своихъ рыданій и слезъ. Память о немъ долго будетъ, несомнѣнно, сохраняться въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, такъ какъ Преосвященный Василій располагалъ къ себѣ всѣхъ своею искреннею простотою, привѣтливостію и сердечностію.